

Научная статья

УДК 811.581.171

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-359-109-122

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТАЙВАНЬСКОГО ЯЗЫКА ГОЮЙ (TAIWAN MANDARIN): ФРАЗОВЫЕ ЧАСТИЦЫ

Курдюмов Владимир Анатольевич

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

kurdyumovva@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1810-4508>

Аннотация. Статья посвящена описанию перечня фразовых частиц, используемых в повседневной коммуникации жителями Тайваня — носителями тайваньского языка гоюй (ТГЮ). Актуальность исследования обусловлена противоречием между растущим интересом к Тайваню как к объекту изучения и стереотипами в представлениях китаистов о языке и дискурсивной реальности жителей острова. Статья направлена на обоснование отличий фразовых частиц ТГЮ от частиц континентального языка путунхуа (КонтПТХ) с учетом плана выражения и семантических, синтаксических и прагматических особенностей. Ведущим методом в исследовании выступил сравнительно-сопоставительный анализ, дополненный корпусным подходом и контекстуальным анализом употребления. Выборка исследования включала в себя аутентичные тексты на языках гоюй и путунхуа, в том числе устные диалоги, переписку в мессенджерах, письменные источники и медиаконтент. Выявлено, что фразовые частицы ТГЮ обладают собственным планом выражения, семантическими и прагматическими функциями, отличающими их от частиц КонтПТХ, что обусловлено диахронией формирования ТГЮ как обособленного варианта. К примеру, тайваньцы повсеместно заменяют нормативные частицы серии /a/: /-a/, /ya/, /wa/ на частицы серии /o/: /-o/, /yo/, огубленный вариант /^uo/, часто используют частицы серии /lo/: вместо серии /la/, широко используют архаичные для КонтПТХ частицы /er yi/, /ye/, /ei/. Статья продолжает серию исследований автора в области лингвистики, культурологии, антропологии, дискурсивной реальности Тайваня. Представленные в статье результаты и материалы позволяют углубить понимание роли фразовых частиц ТГЮ, а также разработать рекомендации использования в учебном процессе в контексте понимания синологии как комплексного и объективного изучения целостного китайского мира.

Ключевые слова: китайский язык, фразовые частицы, тайваньский язык гоюй, путунхуа, индигенизация.

Для цитирования: Курдюмов, В. А. (2025). Отличительные особенности современного тайваньского языка гоюй (Taiwan Mandarin): фразовые частицы. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(59), 109–122. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-359-109-122>

Original article

UDC 811.581.171

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-359-109-122

DISTINCTIVE FEATURES OF CONTEMPORARY TAIWANESE GUOYU (TAIWANESE MANDARIN): PHRASAL PARTICLES

Vladimir A. Kurdyumov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

kurdyumovva@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1810-4508>

Abstract. The article studies the inventory of phrasal particles used in everyday communication by native speakers of Taiwanese Guoyu (TGYu). The study proves relevant due to the contradiction between the growing interest in Taiwan as a subject of academic inquiry and the persistent stereotypes among Sinologists regarding the language and discursive reality of its residents. The article aims at substantiating the distinctions between phrasal particles in TGYu and those in Mainland Putonghua (PTH) by examining their expression, semantic, syntactic, and pragmatic features. The principal research method is a comparative-contrastive analysis, supplemented by a corpus-based approach and contextual analysis of usage. The empirical data include authentic texts in TGYu and PTH, encompassing oral dialogues, messenger correspondence, written sources, and media content. The paper reveals that TGYu phrasal particles possess a distinct expression plan and unique semantic-pragmatic functions, differentiating them from PTH particles, which is attributed to the diachronic development of TGYu as a distinct variant. For instance, Taiwanese speakers frequently replace normative particles of the /a/ series (/a/, /ya/, /wa/) with those of the /o/ series (/o/, /yo/, labialized /uo/), prefer /lo:/ series over /la/, and widely use particles like /er yi/, /ye/, /ei/, considered archaic in PTH. The findings contribute to a deeper understanding of the role of TGYu phrasal particles and offer recommendations for their integration into educational processes within the framework of Sinology as a comprehensive and objective study of the Chinese world.

Keywords: Chinese language, phrasal particles, Taiwanese Guoyu, Putonghua, indigenization.

For citation: Kurdyumov, V. A. (2025). Distinctive features of contemporary Taiwanese Guoyu (Taiwanese Mandarin): phrasal particles. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(59), 109–122. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-359-109-122>

Введение

Исследование языкового разнообразия в китайском (китайскоязычном) мире приобретает все большую актуальность в условиях дальнейшего признания условных региональных вариантов китайского языка как самостоятельных систем, сформированных под влиянием исторических, культурных и социальных факторов. Тайваньский язык гоюй (ТГЮ), вариант, производный от языка гоюй всего Китая до 1949 года, представляет интерес благодаря

формированию в диахронии как достаточно автономной системы по сравнению с континентальным языком путунхуа (КонтПТХ). Среди особенностей ТГЮ значимое место занимают лексико-грамматические средства, а именно фразовые частицы. Безусловно, частицы являются лексическими единицами, находятся в собственном частеречном диапазоне («междометие ↔ частица» — в соответствии с концепцией позиционной морфологии) (Курдюмов, 1999), при этом выполняемые ими функции можно охарактеризовать как грамматические на уровне предложения (маркирование модуса высказывания), стилистические (возможность выбора частицы в зависимости от типа экспрессии), текстовые (маркирование завершения высказывания и когезия в диалоге или монологе).

Несмотря на растущий интерес к дискурсивной реальности Тайваня, среди китаистов сохраняются стереотипы, так или иначе отождествляющие ТГЮ с КонтПТХ и игнорирующие его индигенизированные черты. Настоящее исследование направлено на преодоление подобного пробела путем анализа фразовых частиц ТГЮ, обоснования их отличий от частиц КонтПТХ и выявления их роли в формировании тайваньских коммуникативных/дискурсивных практик.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа фразовых частиц ТГЮ в сравнении с (общеизвестными, прописанными в учебниках китайского языка) частицами КонтПТХ с акцентом на их плане выражения, семантических, синтаксических и прагматических свойствах. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: 1) представить перечень базовых частиц ТГЮ, используемых в повседневной коммуникации; 2) провести сравнительно-сопоставительный анализ частиц ТГЮ и КонтПТХ с использованием корпусного и контекстуального подходов, привести примеры высказываний с такими лексемами; 3) определить семантические и прагматические функции частиц ТГЮ; 4) по возможности прокомментировать диахронные факторы, обусловившие расхождение с КонтПТХ. Концепция исследования опирается на доказанные научные положения, включая (частично, насколько это приемлемо для динамического структурного описания языка) теорию функциональной грамматики (Halliday, 1985), рассматривающую частицы как маркеры дискурса и прагматических интенций, а также концепции лингвистической индигенизации в целом (Ansaldi, 2010) и применительно к Тайваню (Хэ, 2010), объясняющие адаптацию изначально пекинского варианта стандартного языка в коммуникативном контексте Тайваня. Опираясь на данные исследования, мы, безусловно, хотели бы сделать более ясным и аргументированным понимание языковой идентичности ТГЮ и его значения для синологии и языкового образования.

Методология исследования

Исследование опирается на комплексный подход, включающий в себя сравнительно-сопоставительный анализ, (частично) корпусные методы и контекстуальный анализ. Выбор методов обусловлен задачей выявления

семантических, синтаксических и прагматических особенностей частиц, описание их роли в тайваньском коммуникативном контексте. Теоретическую основу составляет авторская предикационная концепция языка (Курдюмов, 1999), концепции лингвистической индигенизации У. Ансалдо (Ansaldo, 2010) и Хэ Вань-шуня (Хэ, 2010), обеспечивающие многоуровневый анализ языковых явлений. Частично привлечены данные функциональной грамматики М. А. К. Холлидея (Halliday, 1985).

Предикационная концепция языка подразумевает, что язык рассматривается как динамический объект в синхронии и диахронии, (минимально, синхронно) моделируется как двумерная система с осями уровней языка и процессами порождения и восприятия и представляет собой совокупность предикационных цепей (Курдюмов, 1999). Фразовые частицы интерпретируются как предикационные маркеры, которые формируют субъективную модальность применительно к единству адреса, модуса и диктума в реальной коммуникации.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный анализ для выявления отличий фразовых частиц ТГЮ от КонтПТХ по фонетической форме (план выражения), синтаксической позиции и дискурсивным функциям, к примеру серия /o/ в ТГЮ сравнивалась с серией /a/ в КонтПТХ; контекстуальный анализ — для изучения прагматической роли частиц в реальных коммуникативных ситуациях, например серия /lo:/ маркирует завершенность высказывания в тайваньских диалогах; корпусный подход, который применялся для сверки результатов при необходимости (Taiwan Mandarin Corpus 政治大學中文口語語料庫 и Sinica Corpus 中央研究院現代漢語標記語料庫4. 0), простой поиск частиц по диалогам в мессенджерах и домовых чатах (исследовались частотность и контексты употребления).

Результаты и дискуссия

Данный текст является составной частью серии трудов об особенностях тайваньского языка гоюй и его отличиях от континентального языка путунхуа и отражает результаты исследований автора в 2008–2025 годах.

О тайваньском языке гоюй

Современный язык гоюй, соответствующий нормам и реальной практике говорения на Тайване, можно было бы считать региональным вариантом, регионолектом (Прошина, 2021), — если (все же — ошибочно) принимать за точку отсчета континентальный, или так называемый мировой учебный (изучаемый во всем мире при помощи преподавателей из Китайской Народной Республики (КНР) и на основе принятых в КНР стандартов) китайский язык (КонтПТХ). В реальности же формирование (индигенизация) ТГЮ не определялось

влиянием КонтПТХ: с 1949 года по 1980–1990-е годы. Тайвань не контактировал с континентом, источником и того и другого вариантов был язык гоюй Китайской Республики 中華民國 (условно: «всего Китая» до 1949 года), затем и на континенте, и на островах, контролируемых Тайванем, формирование и трансформация языковой нормы пошли по собственному пути. В континентальном Китае были упрощены иероглифы, лексика подверглась частичной (но значимой) идеологизации, нормы грамматики и произношения все более приводились в соответствие с пекинским стандартом согласно унифицированным императивам языковой политики. На Тайване же до 1945 года (до передачи острова в юрисдикцию Китайской Республики; с 1895 года остров являлся колонией и де-факто — с конца 1920-х годов — интегрируемой частью Японии) официальным языком был японский, в быту преобладал так называемый тайваньский 台語 / *tái yǔ*/, т. е. местный миньнаньский язык 閩南語 /*mǐn nán yǔ*/ (или диалект, что для данной статьи не столь важно; нами предложена концепция диалектного процесса, где разграничение вариантов — вопрос динамики).

С 1945 года на острове стал внедряться пекинский гоюй, а в 1949 году с полным перемещением на Тайвань правительства партии Гоминьдан 國民黨 началось обособленное (пере)формирование этого языка. Следует отметить, что в начальный период в ТГЮ сохранялись и (в том числе и репрессивно) поддерживались континентальные произносительные нормы, но примерно с конца 1950-х годов язык стал неизбежно «тайванизироваться». При эмиграции на Тайвань, как отмечается в источниках, носители пекинского диалекта не являлись преобладающей частью: вопреки бытующим представлениям, на фоне иммиграции из других провинций (хотя и незначительно, но) преобладали жители провинции Фуцзянь (миньнаньцы), поэтому материковые нормы гоюй поддерживались, скорее всего, лишь двумя факторами: политической волей руководства и армии, сохранявших представления о единстве большого государства (хотя, к примеру, президент Цзян Цзин-го 蔣經國 говорил с ярко выраженным чжэцзянским акцентом, <https://daydaynews.cc/zh-tw/video/6459729.html>), и определенным процентом выходцев из других провинций Китая, для которых гоюй стал универсальным языком общения. Согласно данным профессора Хэ Вань-шуня (Хэ, 2010, с. 9), среди одного миллиона опрошенных в 1956 году: из Фуцзяни прибыло 15,35 % «вайшэнов» 外省 («приезжих»), из Чжэцзяна — 12,37 %, в то время как из Бэйпина (Пекина) — лишь 0,85 %, из Шанхая — 1,74 %, Нанкина (тогдашней столицы Китайской Республики) — 1,35 %. Подробный обзор процесса индигенизации (термин антропологии: автономной локализации, укоренения, см.: Ansaldo, 2010) гоюй представлен, к примеру, в трудах профессора Хэ Вань-шуня (Хэ, 2010); особенности ТГЮ на русском языке частично описаны в статьях и учебниках Тан Мэн Вэя (Тан, 2019, 2020). Факторами формирования современного ТГЮ стали: коммуникационная изоляция острова от континента, влияние миньнаньского языка, логика диалектного процесса как обособления, влияние японского и (отчасти) американского английского языков. Таким образом, ТГЮ может рассматриваться как «регионолект в диахронии» по отношению (лишь) к общему/

исходному и теперь уже несуществующему языку гоюй до 1949 года, но не как регионолект в синхронии по отношению к КонтПТХ.

Достаточно объемлющий перечень источников по проблеме индигенизации ТГЮ можно найти в статье Су Си-яо (Су, 2018).

Во избежание путаницы с терминами следует упомянуть, что в тайваньском лексиконе: *путунхуа* 普通話 — нормативный язык континентального Китая, *гоюй* 國語 — нормативный язык Тайваня ТГЮ (и разговорное название КонтПТХ в южных регионах КНР), *хуаюй* 華語 — китайский язык как иностранный (華語中心 — Центр китайского языка как иностранного, 華語系 — факультет китайского языка как иностранного); *ханьюй* 漢語 — письменный китайский язык (именно язык, не литература), *чжунвэнь* 中文 — либо разговорный китайский язык, либо китайская филология как объект изучения (предмет 中文 — литература, 中文系 — факультет китайского языка как китайской литературы/филологии). При этом в континентальном лексиконе 中文 *чжунвэнь* и 漢語 *ханьюй*, наоборот, обычно означают соответственно письменный нормативный и разговорный языки, и это одна из тех путаниц, с которыми сталкиваются российские студенты на Тайване (при этом в Сингапуре 華語 *хуаюй* — китайский язык в целом).

Поскольку неизбежно приходится сравнивать с КонтПТХ (де-факто стандартом изучения в нынешней России), то наиболее заметными чертами ТГЮ являются следующие: отсутствие 兒化音 эризации, отсутствие 輕聲 нулевого тона (кроме нескольких служебных элементов), смешение конечных носовых звуков, условно обозначаемых как /-n/ и /-ng/: 酒精 /jiǔjīn/ спирт ср. /jiǔjīng/ в КонтПТХ, 露營 /lùyín/ кемпинг, ср.: /lùyíng/ в КонтПТХ, региональные аллофоны: иная артикуляция фонем и слогов (к примеру, /r/ → /l/, /ü/ → /i/), значительные различия в знаменательной — как в бытовой, так и в терминологической лексике (вплоть до 60–70 %), заметные отличия в грамматике и служебных элементах (Тан, 2019, 2020). Кроме того, (что наиболее заметно студентам-китаистам из России) на острове используются несокращенные иероглифы 正體字、繁體字 и азбука *чжуинь* ㄆㄨㄠ 注音符號 (оптимально, по сравнению с латиницей *ханьюй* ㄆㄧㄣˋ ㄣㄧㄣˊ ㄘㄩˋ ㄇㄨˋ 漢語拼音字母, отражающая формулу китайского слога).

О фразовых частицах

Проблематика фразовых частиц (китайские термины 語氣助詞, 語尾助) затрагивалась нами в одной из статей (Курдюмов, 2014) и достаточно подробной главе второго (так и не изданного) тома книги «Курс китайского языка. Теоретическая грамматика». Частица является носителем дополнительного модусного значения типа: *Мне нравится, что...*, *Я в восторге от того, что...*, *Я раздосадован тем, что...*, *Я удивлен тем, что...* и пр.

В ходе изучения тайваньской специфики фразовых частиц мы убедились в том, что необходимо рассматривать в целом — трехчастную топиковую структуру сообщения. В рамках предикационной концепции (Курдюмов, 1999)

отражаемому на письме / в устной речи предложению соответствует более комплексная единица, называемая нами сообщением и состоящая из *диктума* (так называемой локутивной части), *модуса* (присутствия отправителя: как явного, так и неявного), *адреса* (предположения собеседника, также явного и неявного). Язык рассматривается нами в динамике: как поток преобразований бинарных структур «топик – комментарий», которые могут проявляться как в виде поверхностных синтаксических категорий (вследствие чего китайский язык типологически характеризуется как язык с выдвижением топика), так и в виде категорий психолингвистических (при порождении и восприятии речи), и большинство остальных категорий могут быть представлены как трансформы топика и комментария или результат взаимодействия (процесса предикации: топик — как предизируемый компонент, комментарий — как предизирующий, ср.: понятия предиканда, предикатора и предикации в системологической концепции Г. П. Мельникова (Мельников, 1990)).

Топики адреса («ты») и модуса («я») можно рассматривать и как топика по отношению к диктуму — абстрактному «не-присвоенному» предложению (характеризует и собеседника, и говорящего и в данной бинарной оппозиции является комментарием), при этом фразовые частицы китайских (синитических языков, и в частности ТГЮ) маркируют ввод дополнительных (дискурсивных) предикатов.

Нормы говорения на Тайване предполагают максимальную вежливость и толерантность по отношению к собеседнику, стремление не обидеть, и многие частицы (подробно см. далее) реализуют именно предикат адреса *Я уважаю тебя и не хочу задеть или проявить неуважение или доставить беспокойство...*

В рамках концепции позиционной морфологии (Курдюмов, 1999) сущность позиции частицы вообще и ее маршрут в диахронии описываются как (свернутая и развертываемая при восприятии) оценочная или иная маркировка диктума в движении от (развернутых) вводных оценочных предикатов субъективной модальности. Напомним, частеречная принадлежность в китайском языке не присуща единице «словарно», а обретается в синтаксическом контексте, является морфологической позицией — в современном разговорном языке *байхуа* 白話, чаще всего, в рамках *диапазона*, относительно устойчивой серии смежных позиций («глагол ↔ предлог», «существительное ↔ относительное прилагательное ↔ качественное прилагательное ↔ глагол» и т. п.). Частицы — не исключение, на письме они обычно совпадают с междометиями и в бытовом сознании от междометий не отделяются (Курдюмов, 2014) (кроме частиц группы /la / luo / lo/), — находясь в диапазоне «междометие ↔ фразовая частица», что подтверждается нашими статистическими данными: при задании в поиске той или иной частицы примерно 60 % примеров выпадало на «омонимичные» («ино-позиционные») междометия. При этом междометие предшествует основному высказыванию, а частица такое высказывание (будучи в его составе) завершает, хотя, так или иначе, и та и другая позиция маркируют дополнительный предикат, который может быть вербализован самостоятельно.

喔！原來如此！ О, вот как оказывается на самом деле!

哦！好的！謝謝！我來找找看！ А, хорошо, спасибо! Я поищу!

嘿！這邊走，別走錯路了。 Эй, пойдёмте здесь, не ошибитесь с маршрутом.

Следует отметить, что выбор частицы из ряда (относительно) близких по звучанию (囉 / 咯, 喔 / 哦 / 噢) часто маркирует и индивидуальность, вкусы и, естественно, настроение говорящего (см. далее). При этом значительную роль играет тайваньская традиция не формализовывать отдельные аспекты как языка, так и повседневной жизни.

Очевидно, что, в отличие от многих случаев в русском языке (*А дети придут на елку?*, *Ну приходи же!*), фразовые частицы в китайском (строго) постпозитивны по отношению к (основному) предложению (чистому диктуму) или экспрессивно выделяемой части.

Мы отмечали (Курдюмов, 2014), что частицы в китайском языке не тонируются, однако тайваньская речь дает повод сомневаться в таком утверждении: многие частицы имеют либо тон, либо полутон, что указано в словарях¹ и заметно в звучащей речи (собственно, в рамках более общей — и уже сформированной — тенденции ТГЮ к отказу от нулевого тона). Равно как и любая часть лексики, «составляющей словарь того или иного языка», лексико-грамматика в виде частиц «позволяет познать обычаи и повседневную жизнь человека в тот или иной период» (Гринев-Гриневиц и др., 2021).

Специфика фразовых частиц в языке гоюй

Ранее (Курдюмов, 2014, с. 40–41) на материале КонтПТХ нами выделялись следующие группы (или серии) частиц:

– частицы группы ba: 吧 (罷) /ba/, 呗 (嘸) /bei/, 罷了 /bale/ (архаичный вариант — 而已 /éyǐ/), — которые в общем и целом маркируют оттенки побуждения;

– частица ne/ (呐, возможные чтения /ni/, /na/), — которая в общем и целом маркирует топик (в том числе и топик — целое высказывание) и необходимость дальнейшего пояснения топика;

– частицы группы ma: 嗎 /ma/ (麼 /ma/, /me/), 嘛 /ma/, — которые в общем и целом маркируют вопрос и убеждение-очевидность;

– частицы группы /la/: 了 /le/, 啦 /la/, 咯 /lo/, — которые в общем и целом маркируют изменение ситуации;

– частицы группы /a/: частица 啊 /a/ и ее варианты 呀 /ya/, 哇 /wa/, 哪 /na/;

– (атрибутивная) частица 的 /-de/ в позиции фразовой частицы (переход: структурная частица → фразовая частица).

¹ Revised Mandarin Chinese Dictionary. Taiwan Academic Network Version 6. Ministry of Education, 2021. (重編國語辭典修訂本, 臺灣學術網路第六版). (19.08.2025). <https://dict.revised.moe.edu.tw/>

Условно назовем эти серии континентальными, т. е. свойственными нормативному КонтПТХ. Серии /-de/, /ma/, /ne/ универсальны в пределах ТГЮ и КонтПТХ и поэтому в данном исследовании не обсуждаются.

При этом следует подчеркнуть, что в учебниках китайского языка на Тайване частицы из перечня выше признаются нормативными и достойными описания, тем не менее реальность коммуникации (узус) расходится и с письменной нормой гоюй до 1949 года, и с нормами всемирного китайского. Далее мы опишем частицы, типичные именно для повседневной устной коммуникации и общения в мессенджерах (наиболее распространенным мессенджером на Тайване является «Лайн» (Line, 賴 /lài/, <https://www.line.me/tw/>).

Применительно к частицам группы /ba/:

распространенность «архаичной» частицы 而已 /ér yǐ/

Обычно в справочниках (наша статья не исключение (Курдюмов, 2014)) пишут, что 而已 /ér yǐ/ *лишь, всего лишь навсего* — архаичный (присущий классическому языку *вэньянь*) эквивалент частицы 罷了 /bà le, bà liǎo/. Однако на Тайване 罷了 /bà le/ в речи не встречается, в то время как 而已 /ér yǐ/ (как в рамочной конструкции с ограничительными наречиями типа 才 /cái/, 僅 /jǐn/, 只 /zhǐ/, так и без таковых) — обычный элемент узуса:

我(只)吃了一口而已。 Я съел лишь один (пельмень).

她(才)三歲而已。 Ей всего три года.

這件事跟他們無關，這是我的責任而已。 Данный вопрос их не касается, это лишь моя обязанность.

Узуальность частицы 耶 /yé/ – 欸 /èi/

Частица 耶 /yé/ по отношению к КонтПТХ также считается архаичной и свойственной прежде всего классическому языку *вэньянь*. Однако на Тайване в разговорной речи она употребляется повсеместно, иногда — в фонетически трансформированной форме 欸 /èi/. Дополнительный предикат говорящего, выражаемый этой частицей, — *однако, а вот напротив, о как, оказывается*. Достаточно типична фраза 沒有耶! /Méi yǒu yé!/, произносимая со специфической интонацией, приблизительно соответствующая русскому *Не-а!* (= *А вот нет!*).

這真的太誇張耶... Но Вы действительно преувеличиваете...

這個東西只要兩百元而已耶! (Оказывается), эти два предмета стоят всего двести тайваньских долларов!

你插隊欸! (Однако) встал бы ты в очередь!

Применительно к группе /a/: частицы группы /o/ 哦, 喔, 噢, 哟, 唷

Такие частицы можно рассматривать как милый и приятный эквивалент нормативных частиц серии 啊 /a/, 呀 /ya/, при этом в учебниках и справочниках они, как ни парадоксально, обычно не описываются (предпочтение отдается норме).

喔 /ǒ/, невыделенный третий тон: (вежливый) оттенок сомнения (*неужели?!, ой ли?*):

是喔, 我沒想到。 Да? Я и подумать не мог.

是喔, 是這樣嗎? Да? (Именно) так?

喔 o, нулевой тон, — отражает полное одобрение (*Ну да!, Ведь!*):

對喔! Ну да, правильно!

Частицу 哦 /o/ чаще рассматривают как полный эквивалент 喔 /ǒ/:

室外機已經過保固了哦。 А (ведь) гарантия на внешний кондиционер уже кончилась.

好哦! 我這幾天來聯繫廠商看看! Хорошо! Я в ближайшие дни свяжусь с фирмой-изготовителем, и посмотрим!

При написании в варианте 噢 /o/ частица обычно отражает оттенок укора, капризного напоминания:

不要忘記了我噢! Не надо меня забывать!

妳應該是邀錯我了, 我自己先退出噢! Ты, должно быть, по ошибке пригласила меня (в эту группу), я тогда сам выйду из нее!

При переписке в мессенджере Line градация частиц этой подгруппы достаточно стабильно соответствует следующей шкале: 喔 /ǒ/ — общий вариант, 哦 /o/ — более личный, интимный, 噢 /o/ — укоряющий, несколько капризный.

Частицы подгруппы 哟, 唷 /yō / yo/ отражают оттенок: *а вот так, а если так, предлагаю так*:

今天我比較忙, 要明天了哟! Сегодня я достаточно занят, давай (тогда) завтра!

我9:30到你家唷。 (Тогда) я в 21:30 буду у тебя.

Закономерен вопрос об эквиваленте континентальной частицы 哇 /wa/ в ТГЮ. Обычно в словарях и пособиях отсутствует передача звучания как /wo/, точнее, /^uo/, но в ряде акцентов и произношений происходит стяжение, и фразы типа 對哦! /duì ó/ стягиваются до /dù-^uó/ с потерей 4-й позиции слога в первой морфеме и лабиализацией звучания частицы, при этом отдельного иероглифа для такого звучания не предусмотрено. Совершенно естественно лабиализация происходит в сочетании с финалью и в выражениях типа 好哦! /hǎo ó/.

Применительно к группе /la/:**частицы группы /luō/ 囉 / 嘍 / 嚟 и частица 咯 /lo/**

Частицы этой группы приблизительно/относительно соответствуют 啦 /la/ в КонтПТХ, отражая значение утверждения: *да, конечно, уже*. Концовка «на – о» опять же отражает милый и приятный оттенок речи на острове:

那就不打擾你工作囉! Тогда не буду мешать твоей работе!

萬華下雨嘍! В (районе) Ваньхуа (уже) пошел дождь!

При этом в словарях отмечается, что 咯 /lo/ наиболее соответствует переходу ситуации в новое качество с точки зрения говорящего (приблизительный аналог так называемого фразового 了 /le/ в КонтПТХ).

時間不早咯! Однако уже поздно!

那我幫你吧時間空下來咯。 Тогда я (уже) освобожу время для тебя.

Следует отметить, что в неофициальной речи (социальные сети и т. п.) носителей КонтПТХ также может употребляться 咯 /lo/, что может объясняться и дискурсивным взаимодействием после 1990 года (частотное заимствование милой интонации из ТГЮ), и традиционными особенностями южных акцентов КонтПТХ, но в любом случае статус группы /lo/ на Тайване гораздо более узуален, чем в континентальном Китае. В ТГЮ она может быть более частотной из-за влияния тайваньского миньнаньского языка, где аналогичные частицы усиливают эмоциональность.

Частица 嘿 /hēi/, /he/, /hə/

В рамках милой и вежливой нормы общения частица 嘿 /hēi/, /he/, /hə/ в финале предложения отражает смягчение повелительности, стремление побудить к действию, но при этом не обидеть и не посягнуть на свободу действий собеседника — нечто подобное сослагательному *бы* в повелительном значении в русском языке:

各位同學，週末囉，上完課再出去玩嘿! Уважаемые слушатели курсов, уже конец недели, пойдемте отдохнем после окончания занятий!

不要忘記吃飯嘿! (Будь добр,) Не забудь поесть!

不要吵我睡午覺嘿! (Будь добр,) Не тревожь меня во время послеобеденного сна (своим) шумом!

В словарях Министерства образования Тайваня (<https://dict.concised.moe.edu.tw/>; <https://dict.revised.moe.edu.tw/>) обычно фиксируется лишь употребление 嘿 /hēi/ «Эй!», «О!», «Ох!», «Ой!» как междометия в начале высказывания 嘿! 幾年不見，你的孩子已經長得這麼大了! «Ох, давно не виделись, твой ребенок уже так вырос!», но не как разговорное /he/, /hə/ в позиции частицы, повсеместное для тайваньского узуса, что заставило нас проводить дополнительные опросы информантов.

Заключение

Таким образом, фразовая частица выражает или маркирует дополнительные: модусный предикат типа *Я чувствую, думаю, влияю так...* и адресный предикат типа *Ты уважаем мною, и я не хочу тебя обидеть...*, а также оттенки значения предикатов, свойственных той или иной группе (серии) или отдельной частице — применительно к ситуации общения. В реальном разговоре ТГЮ по употреблению и частотности частицы отличаются от так называемых всемирных, учебных стандартов (и тем более от КонтПТХ) и отражают стремление коммуникантов быть милыми и приятными в соответствии с нормами поведения на Тайване. Описаны наиболее показательные (и ломающие банальные представления о китайском языке) группы частиц. Вопреки представлениям, частицы /ér yǐ/, /yé, èi/ не являются архаичными. Частицы группы /o/ приблизительно эквивалентны группе /a/ нормы и при этом при употреблении (в мессенджерах) находятся в градации от относительной нейтральности / дистанции к собеседнику до интимности и оттенка каприза. Частицы группы /luō, lo/ приблизительно соответствуют фразовым /la, le₂/ нормы, частица /hə/ смягчает повелительность модуса.

Предполагается, что материал данной статьи в дальнейшем должен стать очередным компонентом нашего комплексного описания ТГЮ и может быть использован в учебниках, пособиях, учебных материалах при изучении китайского языка как комплексного и мультирегионального/мультивариантного феномена.

Список источников

1. Курдюмов, В. А. (1999). *Идея и форма. Основы предикационной концепции языка*. Военный университет.
2. Halliday, M. A. K. (1985). *An introduction to functional grammar*. Edward Arnold.
3. Ansaldo, U. (2010). *Contact languages: Ecology and evolution in Asia*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511642203>
4. Хэ, Ван-шунь. (2010). Лунь Тайвань Хуаюйдэ Цзайдихуа (One-Soon Her) 何萬順. 論台灣華語的在地化 (On the Indigenization of Taiwan Mandarin). 澳門語言學刊 (*Journal of Macau Linguistics Association*), 35(1), 19–29.
5. Прошина, З. Г. (2021). Вариантность языка и нормативная вариативность в языке. *Методология современного языкознания*. Сборник статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой. (К. С. Карданова-Бирюкова, отв. ред.). Вып. 3. С. 200–208. Р. Валент.
6. Тан, М. В. (2019). Китайский язык в Китае и на Тайване: Особенности лексического строя и проблемы его изучения. *Международная конференция «Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование»: доклады и сообщения* (с. 200–204). Институт языкознания РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
7. Тан, М. В. (2020). К вопросу о различиях фонетической системы китайского языка в материковом Китае и на Тайване (в аспекте преподавания китайского языка как иностранного в России). *Преподаватель XXI век*, (3), 173–181.

8. Су, Си-яо. (2018). Тайвань хуаюйдэ цзайдихуа цзи бяоцзихуа. 蘇席瑤 台灣華語的在地化及標記化 (*The indigenization and enregisterment of Taiwan Mandarin*). 台灣學誌, (17), 1–35.
9. Курдюмов, В. А. (2014). Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции частицы. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(13), 37–46.
10. Мельников, Г. П. (1990). *Принципы и методы системной типологии языков* [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Университет дружбы народов им. П. Лумумбы]. РГБ.
11. Гринев-Гриневич, С. В., Сорокина, Э. А., & Викулова, Л. Г. (2021). *Теория языка: антропологистика*. Учебное пособие. Издательский дом ВКН.

References

1. Kurdyumov, V. A. (1999). *Idea and form. Fundamentals of the predication concept of language*. Voennyj universitet. (In Russ.).
2. Halliday, M. A. K. (1985). *An introduction to functional grammar*. Edward Arnold.
3. Ansaldo, U. (2010). *Contact languages: Ecology and evolution in Asia*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511642203>
4. Her, One-soon. (2010). 何萬順. 論台灣華語的在地化 (On the Indigenization of Taiwan Mandarin). 澳門語言學刊 (*Journal of Macau Linguistics Association*), 35.1, 19–29.
5. Proshina, Z. G. (2021). Language variation and normative variability in language. *Methodology of modern Linguistics*. A collection of articles in honor of the anniversary of V. A. Pischalnikova. (K. S. Kardanov-Biryukov, Ed.). Issue 3. P. 200–208. R. Valent. (In Russ.).
6. Tan, M. V. (2019). The Chinese language in China and Taiwan: Features of the lexical structure and problems of its study. *International Conference «Languages in a multiethnic State: development, planning, forecasting»: reports and messages* (p. 200–204). Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS. (In Russ.).
7. Tan, M. V. (2020). On the issue of the differences between the phonetic system of the Chinese language in mainland China and Taiwan (in terms of teaching Chinese as a foreign language in Russia). *Prepodavatel' XXI vek*, (3), 173–181. (In Russ.).
8. Su, Xi-yao. 蘇席瑤 (2018). 台灣華語的在地化及標記化 (*The indigenization and enregisterment of Taiwan Mandarin*). 台灣學誌, (17), 1–35.
9. Kurdyumov, V. A. (2014). The morphological level of the Chinese as an isolating language. The essence and content of the particle position. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(13), 37–46. (In Russ.).
10. Melnikov, G. P. (1990). *Principles and methods of system typology of languages* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.19. Universitet druzhby narodov im. P. Lumumby]. RSL. (In Russ.).
11. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., & Vikulova, L. G. (2021). *Theory of language: anthropolinguistics*. The textbook. Izdatel'skiy dom VKN. (In Russ.).

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Курдюмов — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Information about the author

Vladimir A. Kurdyumov — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.